ЮБИЛЕЙ

Шестидесятник Григорович тридцать лет спустя

Ему, видно, не до юбилеев. Юрий Григорович отменил свой творческий вечер и на неопределенное время перенес фестиваль своих балетов. Но календарь бесстрастно указывает: тридцать лет назад, в 1964 году, молодой (по советским меркам, руководство в 37 лет - это рано) балетмейстер возглавил балет Большого.

Его назначение прошло на гребне волны, поднятой хрущевской «оттепелью». И стало благотворным для театра, тогда (как и теперь) оказавшегося в кризисе. Только в отличие от нынешней ситуации Григорович выступил в счастливой роли «свежего ветра», обновителя устаревшей эстетики. Тогда казалось, что балетный театр словно стыдится самого себя и завидует театру драматическому и системе Станиславского. В ходу были однодневки из колхозно-партизанской жизни, в которых танцевали не потому, что это балет, а потому, что в соответствующем месте либретто было указано: «Героиня испытывает радость в связи с успешной уборкой урожая. Она начинает плясать».

Григорович убрал эту натужную «стыдливость». Его любимое детище, «симфонический танец», возвращало балет к изначальной условности, уводило в сторону от натурализма и иллюстративности. Танец снова стал сутью, а не рамкой спектакля.

Хореограф ставил свои балеты, от «Аистенка» до «Золотого века», редактировал чужие, от «Лебединого озера» до «Дон-Кихота». Воплощались благие намерения шестидесятников: его творческая манера - родом из «сурового стиля», отказа от «сантиментов» и украшательства. Григорович объявил войну незатейливости старых балетов, их дивертисментной праздничности, их самодовлеющей виртуозности. Он не любит сказочность в сказке, веселость как таковая ему часто подозрительна, она - синоним поверхностности. Взгляд хореографа - словно взгляд из космоса, из макромира, сверху, он глобален и серьезен. При таком взгляде не существует деталей, мелочей. Все выстроено рационально, логически, все укрупнено. И не имеет значения, кто и когда разлучил влюбленных Ромео и Джульетту, важна вневременность этого.

Путь Григоровича на удивление прям, как железная дорога между Москвой и Петербургом. Тридцать лет он ставит спектакли «больших идей», снова и снова воспроизводя свои принципы. В лучших спектаклях: «Каменном цветке», «Легенде о любви», «Щелкунчике», в отдельных эпизодах спорных постановок (типа «Ивана Грозного» или редакций «Спящей красавицы») его стремление к закрытому психологизму, сдержанной лирике и философской монолитности убедительно и оправданно. Но нельзя открыть одним ключом разные замки, можно покорежить и ключ, и замок. Поэтому есть и балет о древнеримской революции, шумный успех которого был «успехом на час», есть другие спектакли, где рациональность часто переходит в сухость и холодность, нелюбовь к подробностям - в отрицание театральной игры, карнавальной природы театра...

...Он обещал и не сделал «Болт» Шостаковича, «Мастера и Маргариту» Пендерецкого. Он потерял поддержку тех, с кем начинал и сегодня имеет, увы, не самую сильную в истории Большого театра труппу. Григорович всегда тверд и непреклонен, в жизни и в творчестве. А мы смотрим его спектакли и решаем - насколько плодотворна эта несгибаемость.

Майя АЛЕКСАНДРОВА.

Уже вечер. - 1994 - 29 дек. - с. 6.